

Б.Б. Манджиева (Элиста)

КОЧЕВОЕ СКОТОВОДСТВО В КАЛМЫЦКОМ ФОЛЬКЛОРЕ*

Аннотация. Скотоводство кочевников являлось традиционным способом хозяйствования и одним из необходимых источников жизнеобеспечения в условиях кочевой жизни. Важное место в хозяйстве занимало разведение четырех видов скота: крупный рогатый скот, овцы, лошади, верблюды. Сведения о ведении кочевого скотоводства и связанные с ними обряды и обычаи сохранились в фольклоре и служат одним из проявлений развития кочевой культуры. Целью статьи является анализ малоизученных сведений о кочевье, о структуре хозяйства, четырех видах скота у калмыков, их характеристик, отраженных в калмыцких сказках, эпосе «Джангар», обрядовой и афористической поэзии. Обращение к анализу понятия «кочевье» в фольклоре показало, что оно является многокомпонентным образованием и связано с постоянным передвижением кочевников. Образная сторона понятия «кочевье» в фольклоре сводится к медленно движущимся по степи многочисленным группам людей на лошадях, в кибитках и повозках со стадами скота, временами делающих остановки на некоторый срок; откочевка сравнивается с исчезновением каких-либо силуэтов, отсутствием в обозримом пространстве движения: «пустое» пространство есть признак обезлюдения. Скот в фольклоре тюрко-монгольских народов воспринимается как символ богатства и благосостояния. Калмыки, с древних времен занимавшиеся скотоводством, накопили богатый опыт обращения с четырьмя видами скота. Кочевой мир калмыка, его многовековой опыт, жизненные наблюдения, глубокие мысли и мудрость, сохранившиеся в фольклоре в виде уникальных образов, являются подтверждением того, что скотоводство как традиционный способ хозяйствования являлось главным занятием калмыка-скотовода.

Ключевые слова: скотоводство; традиция; калмыцкий фольклор; конь; верблюд; корова; овца; сказка; эпос; песня; обряды; поверья; приметы.

B.B. Mandzhieva (Elista)

Nomadic Livestock Breeding in Kalmyk Folklore**

Abstract. The article deals with the elements of livestock breeding culture present

* Исследование выполнено при финансовой поддержке гранта в форме субсидии из федерального бюджета, выделяемой для государственной поддержки научных исследований, проводимых под руководством ведущего ученого (проект «От палеогенетики до культурной антропологии: комплексное междисциплинарное исследование традиций народов трансграничных регионов: миграции, межкультурное взаимодействие и картина мира»).

** The reported study was granted by the Government of the Russian Federation (federal budget subsidy) for state support of scientific research conducted under supervision of the leading scientist (project name 'From Paleogenetics to Cultural Anthropology: Comprehensive Interdisciplinary Research of Peoples and Traditions of Cross-Border Regions – Migrations, Cross-Cultural Interactions and Worldviews').

in Kalmyk folklore. Livestock breeding has traditionally been a key source of livelihood for nomadic populations. The former largely included the four species, such as cattle, sheep, horses, and camels. Livestock breeding experiences and related rites and customs have been preserved in the folklore tradition, and constitute an essential stratum of nomadic culture. The article seeks to analyze some understudied aspects of nomadic practices, economic patterns, the four livestock species and their characteristics traced in Kalmyk fairy tales, *Jangar* epic, ceremonial and aphoristic poetry. The work shows that the concept of 'nomadism' (Kalm. *нүүл*, Rus. *кочевье*) is multicomponent enough, which is due to constant migrations of nomads. Another aspect of the concept implies slow movement of horsemen and others nested in wheel yurts or carts next to flocks and herds, with occasional stops; nomadic migration is compared to vanishing of silhouettes, cessation of any movement within eyesight, 'empty' space being a sign of desolation. In Turko-Mongolian folklore, livestock serves as a symbol of wealth and prosperity. Over centuries, the Kalmyks have accumulated most extensive livestock breeding experiences. Their nomadic worldview, centuries-old practices, observations, thoughts and wisdom preserved in folklore attest to the fact that this used to be their main occupation.

Key words: livestock breeding; tradition; Kalmyk folklore; horse; camel; cow; sheep; fairy tale; epic; song; rites; beliefs; signs.

Скотоводство кочевников являлось традиционным способом хозяйствования и одним из необходимых источников жизнеобеспечения в условиях кочевой жизни. Важное место в хозяйстве занимало разведение четырех видов скота: крупный рогатый скот, овцы, лошади, верблюды. Сведения о ведении кочевого скотоводства и связанные с ними обряды и обычаи сохранились в фольклоре и служат еще одним подтверждением развития кочевой культуры.

В фольклоре тюрко-монгольских народов скот воспринимается как символ богатства и благосостояния. Так, например, в зачине калмыцких народных сказок дается описание страны героя и его несметного богатства: «Хар халзн мортэ Хадр Хар Авһин Хан Сөнэк» (Вороного с лысиной коня имеющего Хадыр Хара Авги Хан Сенаки): *Хар халзн мортэ Хадр Хар Авһин сар борзатын бор доун деер харад, харул харна. Харул хархла, малнь эк зах чигн уга, то-йа гих юмн уга болжана* // [Как-то раз] Хадыр Хара Авга, у которого был вороной с лысиной конь, поднялся на широкий степной холм, чтобы окинуть взором округу. Обозрел – скоту его конца-краю нет, неисчислимо он был [Калмыцкие богатырские сказки 2017, 366–367]; в сказке «Манджик-Зарлик и его работник» богатч Монгон Оргоджик имел неисчислимо богатство: «...для его скота не хватало ни травы, ни воды: табунов числом не счесть, кованные сундуки добра полным-полностью» [Калмыцкие народные сказки 1961, 79].

По мнению С.П. Тюхтеневой, «определить точное количество скота у владельца скотовода внешнему наблюдателю достаточно сложно. Точную численность своего стада знает лишь он сам. Или пасущий это стадо – ибо они знают “в лицо” каждое животное» [Тюхтенева 2017, 131]. В сказках

неисчислимость скота указывает не только несметное богатство, но и на то, что «у калмыков, как и у многих других скотоводов, бытует традиционное представление о запрете считать поголовье скота. Счет, по представлениям калмыков, означает, что нечто считаемое может закончиться, и потому считать можно одежду, обувь, посуду – но не пищу, не людей, не звезды и не скот» [Бакаева 2009, 15]. В зачине калмыцких народных сказок описание страны героя-богатыря и его несметного богатства обязательно включает указание на неисчислимость скота: исчисление является приметой возможности установления границы, неисчисляемое – бесконечно.

Монголы подразделяют скот на две группы: *халун хошу мал* (животные с горячим дыханием) – это лошади и овцы, и *хиитан хошу мал* (животные с холодным дыханием) – верблюды, крупный рогатый скот и козы. Все эти животные, составляющие основное богатство кочевников-скотоводов, имеют обобщающий термин – *табан хошуу мал* (пять видов скота). В монгольской сказке «Эрийн сайн хар нүдэн Цэвээн хүү» («Черноглазый смелый мальчик Цебен») также изображается неисчислимый скот: *Малладаг мал нь гэвэл: / Араараа дүүрэн ай түмэн адуутай / Өврөө дүүрэн үй түмэн адуутай* [Памятники фольклора 2017, 485] // Если говорить о скоте, который разводят: / То это бесчисленное множество скота позади, / Бесчисленное множество скота впереди. – перевод автора статьи Б.Б. Манджиевой.

Буряты разводят пять видов скота (*ухэр мал, адуу мал, адууһан*), и считалось, что наличие всего набора обеспечивает хозяину полный достаток. В фольклорной традиции бурят существует обобщенное название *табан хошун мал* (пять видов скота), перечисляют их в следующей последовательности: *морин эрдэни* (конь драгоценный), *ухэр* (крупный рогатый скот), *хонин* (овцы), *яман* (козы), *тэмэн* (верблюды). В бурятской волшебной сказке «Хилгендэй Мэргэн» описание богатства воплощено в формулу: «Многочисленные табуны [хана] / Заполняли всю северную сторону, / Бесчисленные стада его / Заполняли всю южную сторону» [Бурятские волшебные сказки 1993, 31].

В фольклоре алтайцев ярко выражена лесная зона их обитания. В алтайской народной сказке «Талтар» («Коростель») обилие скота сравнивается с изобилием растительности: «На Алтае жил *каан* Ай-Каан. Скота у него было столько же, сколько кустов акации...» [Алтайские народные сказки 2002, 83]; в другой алтайской сказке «Созвездие семи *каанов*» семеро парней-сирот «вокруг земли семь раз обойдя, весь Алтай шесть раз обойдя», к поселению одного *каана* пришли и увидели, что «вскормленный им белый скот всю поверхность Алтая заполнил, народ-племя его всю землю заселил. Скот его – как черный лес, народ-племя его – как кусты акации. Вскормленный им белый скот не различить по шерсти, а народы-племена языки друг друга не понимают. Белый *эргё* его, который на коне не объехать, стоит, достигая бело-синего неба Золотая коновязь его, к которой коней привязывают, стоит, достигая луны и солнца» [Алтайские народные сказки 2002, 215].

Понятие «кочевье» в фольклоре является многокомпонентным обра-

зованием и связано с постоянным передвижением кочевников. Образная сторона понятия «кочевье» в фольклоре сводится к медленно движущимся по степи многочисленным группам людей на лошадях, в кибитках и повозках со стадами скота, временами делающих остановки на некоторый срок; откочевка сравнивается с исчезновением каких-либо силуэтов, отсутствием в обозримом пространстве движения: «пустое» пространство есть признак обезлюдения [Церенова 2005].

В сказочной и эпической традиции тюрко-монгольских народов красочно изображается страна героя. Для кочевых народов маркерами пространства выступают наиболее заметные координаты природного ландшафта: по вертикали – горы, горные массивы, валуны, а по горизонтали – реки, моря, океаны, раскинувшаяся по сторонам гор степь. Обязательным условием новой кочевки являлось наличие водных ресурсов (рек, ручьев, источников), равнины, горы или скалы, у основания которых можно было установить юрту или укрыть скот в невзгоду.

Кочевники с особым почтением относились к водным источникам и горам, сооружали *ова*, поклонялись хозяину местности и произносили *йор-рял* – благопожелание. Так, например, в калмыцкой фольклорной традиции сохранилось благопожелание «Һазран тэклһнэ йөрэл», произносимое при совершении обряда поклонения духам-хозяевам местности:

Улан залата хальмг эмтн / Улан зандн цэдһэр деежээн өргэд, / Цаһан идэһэн деежээн цацад, / Деедс, теңгэсн хур суржэнавидн, / Кү заясн теңгэр, / Күмс манд заятн! / Теңгэр, бурхд, хур орултн! / Көрстэ һазр услэж, / Көк ноһаһар / Тег бүтэлһтн, / Күн мал уган / Идх-уух эдл-ууш / Элэг-делэг йовултн! / Хамг ширг, хоршалтгиг / Хур-бораһар дартн! / Эржэ суржэнавидн. / Зурһан зүүлин хамг эмтн / Амулц эдлтхэ! / Йөрэл бүттхэ! [НА КалмНЦ РАН Ф. 5, оп. 2, ед. хр. 171] // Мы, калмыки, с красной кисточкой / Крепким чаем [калмыцким] подношение совершаем, / Молочной пищей возлияние совершаем, / Верховных божеств просим нам дождь даровать! / О, небо, жизнь нам подарившее, / Пропитание нам ниспошли! / О, небо и *бурханы*, дождь нам даруйте! / Чтобы благословенная твердь земная напилалась, / Чтобы зеленой травой / Степь покрылась, / Чтобы людям и скоту / Было чем кормиться, пропитания / В изобилии нам ниспошлите! / Все болезни [скота], опасные недуги / Дождем и снегом придавите! / С мольбой обращаемся к вам! / Шести видов живые существа / В благополучии пусть пребывают! / Да будет так! – перевод Т.А. Михалевой.

Как известно, номады начинали кочевку на летние пастбища весной, когда природа, проснувшись после долгой зимы, расцветала многообразием. Перед кочевкой необходимо было провести обряд очищения всего имущества, поэтому поджигали можжевельник и окуривали вещи и жилище. Перед перекочевкой на летние пастбища алтайцы также проводили обряд очищения, почитали дух огня и приговаривали благопожелание (*алкыш*):

Северный охраняющий бурхан, ночь и день жилище охраняй.
Охраняющий поясом бурхан, до осени за злыми духами смотри
И не пускай ночью, смотри.
Через порог жилища Эрлика бия, черных злых духов, не пускай,
Пусть мое жилище не ломается, осенью перекочую,
Приеду, сделанное жилище пусть не ломается,
Летом постоянно буду приезжать [Алтайцы 2004, 156].

В песенной традиции калмыков сохранились лирические песни, называемые «этүдэр дуулдг дун» («песни, поющие тайно»), которые отражают перекочевку. В песне певец-скотовод обращается к овце:

*Манахн, манахн маңһдур нүүх,
Манцын холар хатлн нүүх,
Хурһан хайсн чи
Хатрн тавлад йовхич*
[Борджанова 2007, 424].

Наши, наши завтра будут кочевать,
Через реку Маныч переправляясь, будут кочевать,
Бросившая ягненка, ты, [овца],
Будешь скакать, скакать...
(Перевод автора статьи Б.Б. Манджиевой).

«При перекочевке огонь семейного очага увозят с собой и, установив очаг на новом месте, совершают обряд жертвоприношения огню» [Борджанова 2007, 126], произносят благопожелание «Һал тээһнэ йөрэл» («Благопожелание, посвященное обряду жертвоприношения огню»):

*Төрсн орн-нутгтан, / Аав-ээждэн, бээсн һазр-усндан деежэн өргэжэнэвидн. /
Тевр сүүлтэ, теви семжстэ, / Торһн нооста, цаһан толһата, / Шар толһата
хөөнэ кишг ирх болтха! / Арим өвртэ, улан һалзн, шар цоохр малын / Кишг ирх
болтха! / Түмн нээмн миңһн агт адуна – / Түүнэ кишг ирх болтха! / Дөрвн нүдтэ
хар баргин – / Түүнэ кишг ирх болтха! / Шил сээтэ көвүдин – / Теднэ кишг ирх
болтха! / Өрлэ босад өркэн хэрүлдг, / Һалан түлэд, цэгһэн чандг, / Чигэһэн бүлэд,
эркэн нердг, / Көдлми кехлэ, күзүһарн зүткэн ордг / Берэчүдин кишг ирх болтха!*
[НА КалмНЦ РАН Ф. 5, оп. 2, ед. хр. 171] // Родной стране, / Духам предков своих
и местности нашей подношение совершаем. / С курдюком в обхват, с нутряным
жиром с корыто / Тонкорунных белоголовых, / Желтоголовых овец стада пусть
множатся! / Длиннорогих красных и жёлто-пёстрых [коров] / Стада пусть мно-
жатся! / Многотысячных скакунов табуны / Пусть множатся! / С белыми пятнами
над глазами чёрные сторожевые псы / Пусть тоже размножаются! / Красивые юно-
ши / Пусть счастливы будут! / Встав на рассвете, которые дымник открывают, /
Огонь разведя, чай варят, / Пахтают кумыс и гонят араку, / Привычные трудиться
в поте лица / Молодицы пусть счастливы будут! – перевод Т.А. Михалевой.

После обустройства на новом месте хозяин кибитки угощал родственников и соседей. Старший из присутствующих произносил благопожелание «Шин бүүрт нүүж ирснэ йөрэл» («Благопожелание, произносимое на новом месте кочевки»):

*Буухд утан бүргэж, / Нүүхд тоосн бүргэж, / Бүүрин буйн-кишг / Буусн эзндн
хальдэж, / Хул, худл уга, / Хов-шив уга, / Чон, нохан аюл уга, / Хур-борань дуслэж, /
Хурц нарнь мандлэж, / Зурмна толһад хадһта, / Зуухин амн тооста. / Укр, гүүни
сүжэ, / Усн, тосн элвэ, / Хаалһар йовсн улс / Хажуһарн эс һартха. / Хэр, халунас
ирсндн / Хаалһин ундинь белдэж, / Хээстэ хотан кежэ, / Бүүрин өлзэ хальдэж, /
Бусдын аюлас зээлһнү, / Бүрн-төгс мөнд / Бүгдэр амулц бээцхэти!* [НА КалмНЦ
РАН Ф. 5, оп. 2, ед. хр. 171] // Пусть над стойбищем вашим дым поднимется, / А
во время перекочёвки пыль поднимется, / Пусть это место счастливым / Для ново-
го хозяина будет! / Без воровства и лжи, / Без сплетен и пересуд [живите], / Пусть
скот ваш плодится-множится, / Пусть благодатными будут дожди, / Пусть яркое
солнце светит всегда, / Густой и высокой будет трава, / А коровы и кобылицы / В
изобилии дают масла и молока! / Пусть те, кто в дороге, / Мимо нас не проедут, /
Пусть незнакомыми будут, но [и в холод,] и в зной / Жажду пусть они утолят, /
Приготовленное пусть поедят! / Пусть это место счастливым будет, / Без бед и не-
счастий, / Без потерь и утрат / В благополучии живите! – перевод Т.А. Михалевой.

У калмыков существует множество поверий, среди которых присутствуют запреты, связанные со скотоводческой обрядностью. Согласно запрету, связанному с ногтями человека, необходимо было остриженные ногти закапывать в землю и тщательно притоптать ногой, чтобы ногти не выступали на поверхность и не попали в желудок скоту. Закапывать нужно было, приговаривая:

*Би чамаг үкрт бичэ заасв,
Чи намаг үклд бичэ за.
Би көгин буурл өвгн (эмгн) болсuv.
Чи теңгр цаһан хад бол.
Текин өвр теңгрт күрсн цагт
Темәнэ сүл һазрт күрсн цагт
Би чамд мөрн хошта
Хөн күмстэ ирнэв* [Ользеева 2003, 148].

Я не выдам тебя корове,
Ты не выдай меня смерти.
Пусть я стану седовласым стариком (старухой).
Ты же станешь белой скалою.
В то время, когда бараньи рога достанут неба,
В то время, когда верблюжий хвост достигнет земли,

Я приду к тебе со своей кибиткой,
Подарками и угощениями.
(Перевод Б.Б. Манджиевой).

В старину некоторые калмыки верили в разные поверья и говорили, что «корова считается животным, которое стремится сделать что-нибудь неприятное, нехорошее людям» [Душан 2016, 208]. По этому поводу в калмыцком фольклоре сохранились следующие поверья о корове:

Укр мал жоралхла – му йор. / Укр жоралхларн: «Хумха тайг, хумха тайг» гиж жоралдгчн. // Если коровы идут иноходью – плохая примета. / Корова, когда идет иноходью, говорит: «Высохший череп, высохший череп».

Укр мал хар санатаж, кеерэс хэрхлэрн, хашаһан хээрж хамхлхм гиж хэрдгж. // Корова – злонамеренное животное, когда возвращается с пастбища, то идет с мыслью сломать скотный двор.

Укр хар санатаж. Укр, унсн күн үкр деерэс унхла, өвдтхэ гихэд, үкр еврэн тэвж өгдгж. Укр тиим хар санатаж. // Корова – злонамеренное животное, когда наездник падал с коровы, то она подставляла рога, чтобы человек ранился.

Укр мал киитнд дуртаж. Тер юңгад гихлэ, үкр зуна халунд туруна салад өөкн хээлнэ гидгж, үвд цасн шухтнад бээхлэ, амрад бээдгж [Алтн чеежтэ келмрч 2010, 103] // Коровы любят холод. Потому что, коровы говорят, что в летний зной у них тает жир меж копыт, им нравится, когда зимой под копытами скрипит снег. – перевод Б.Б. Манджиевой.

Овцы являлись основными животными в стаде. Наблюдения калмыков-скотоводов за их повадками сохранились в поверьях об овце:

«Хөн мал жоралхла – сэн йор. // Если овцы идут иноходью – хорошая примета. Хөн: «Миңһн түмн, миңһн түмн» гиж жоралдгж. // Овца, когда идет иноходью, говорит: «Тысяча туменов (тумен – букв. десять тысяч), тысяча туменов».

Лошадь являлась самым любимым животным кочевника, она ценилась дороже всего. Калмыки называли лошадь драгоценностью, потому как всадник не расставался со своим конем ни в будни, ни в праздники. Поверья, связанные с конем, подтверждают все положительные качества этого животного:

Мөр унсн күн мөрн деерэс унхла, бичэ өвдтхэ гихэд, мөрн делэн делгж өгдгж. Мөрн тиим цаһан санатаж. // Если наездник падал с лошади, то она подставляла шею, чтобы не было больно падать. Вот такое доброе животное – лошадь.

Хальмг күн мөриг «мөрн эрднь» гиж келдг. Тишгэд, мөрнэ толһа кеер кевтхлэ, кедү жил болсн болвчн, хумха толһаг яһж кевтв чигн чиклэд тэвх кергтэ. Тер цат буйн болдг гиж келдг. Мөрнэ толһаг нар хэлэлһж тэвдгж. // Калмык называет коня «конь драгоценный». Если в пути встречался иссохший череп коня, то сколько бы времени ни прошло, независимо, как бы он не лежал, необходимо

было [остановиться, слезть с коня и] поправить его. Тогда человек заслуживал добродетель. Череп коня направляли к солнцу.

Мөрн зултһн өвснд йир дуртаж. Тер юңгад гихлэ, мөрн келдгж: «Долан хонг-тан зултһн идхлэрн, довун болад тарһлхв». // Лошадь любит степную траву прутняк. Потому что лошадь говорит: «Если в течение семи суток буду есть прутняк, то поправлюсь, словно холм».

Эмэлин өмнк бүүрг уга болхла, хальмг күн йорлдг бээж. Тер төлэд хальмг күн өмнк бүүрг уга эмэл йорлад тохдог болж. // Если не было передней седельной луки, то калмык верил в примету. Поэтому калмык не седлал седло без передней седельной луки» [Алтн чеежтэ келмрч 2010, 103].

Калмыки, с древних времен занимавшиеся скотоводством, накопили богатый опыт обращения с четырьмя видами скота. По внешним признакам и повадкам животных кочевники могли дать животным характеристику, которая определилась в такой отдельный жанр устного народного творчества, как *шинж* (примета).

Темэнэ шинж
Хулһн чиктэ,
Укр гестэ,
Барс тавгта,
Туула хамрта,
Лу бийтэ,
Моһа нүдтэ,
Мөрн делтэ,
Хөн нооста,
Мөчн бөктэ,
Така өрүлтэ,
Ноха һуйта,
Хаха сүүлтэ.

Приметы верблюда.
С ушами как у мыши,
С брюхом как у коровы,
С лапами как у барса,
С носом как у зайца,
С телом как у дракона,
С глазами как у змеи,
С гривой как у лошади,
С шерстью как у овцы,
С горбом как у обезьяны,
С пухом как у курицы,
С бедром как у собаки,
С хвостом как у свиньи.
[Саглр ээжин туульс 1989, 13].

В приведенном устном произведении верблюдо сочетает в себе признаки диких и домашних животных, его образ изображается, на первый взгляд, в простейших, но в то же время глубоких по значению сравнениях. Верблюд сочетает в себе исключительные качества сравниваемых животных.

Калмыки хорошо изучили и нрав верблюдов. Они являются гордыми, умными животными, верблюды очень обидчивые и мстительные. В фольклоре калмыков сохранился устный рассказ «Верблюд и мальчик» о мести верблюда мальчику, который дразнил его со времен, когда тот был еще верблюжонком. Прошло много времени, верблюжонок вырос в большого верблюда, а мальчик стал взрослым мужчиной и однажды они встретились на пастбище. Верблюд узнал своего давнего обидчика и погнался за ним. Мужчина, не зная, куда спрятаться в степи, залез в лисью нору. Тогда верблюд лег на нору и закрыл выход. Когда мужчина стал задыхаться от нехватки воздуха, он достал нож и начал резать живот верблуду. Но верблюд не вставал, так мужчина задохнулся от крови и содержимого желудка животного, а верблюд погиб от ран [Алтн чеежтэ келмрч 2010, 123–124].

В жизни кочевников верблюд являлся неотъемлемым атрибутом в хозяйстве, он не только помощник, но и дорогое существо. Калмыки почитали и уважали верблюдов. Они были лучшими перевозчиками больших грузов, в знойное время верблюд мог прожить без воды и еды до пяти-шести дней. Отличительная особенность верблюда от других животных связана с тем, что приплод он приносит раз в несколько лет и плод носит одиннадцать месяцев. Если только что родившегося верблюжонка кто-то потрогает руками, то верблюдица может отказаться от детеныша. В этом случае находили специального человека, который должен был исполнить заговорную песню. Исполнитель становился на колени перед верблюдицей и начинал жалостливо петь о судьбе верблюжонка:

Булгин усн кезэ / Ширгнэ болһнач, / Бобн-бобн божжула? / Бурһсн модн кезэ / Буйсна болһнач / Бобн-бобн божжула? / Хом арһмжар / Хомнулад уга, / Бобн-бобн божжула. / Хойр бөкән / Серталһад уга / Бобн-бобн божжула? / Ун телвүлад уга, / Бобн-бобн божжула. / Утцн-маралжн киисгдэд уга / Бобн-бобн божжула. / Тең-бөрвән тинилһад уга, / Бобн-бобн божжула. / Булгин усн кезэ / Ширгнэ болһнач, / Бобн-бобн божжула? / Бөрв уга ботхан / Кезэ босна болһнач, / Бобн-бобн божжула? //
Вода в роднике / Когда, думаешь, высохнет, / Бобн-бобн боджула? / Дерево верба / Когда, думаешь, исчезнет, / Бобн-бобн боджула? / Груз на [ее спине] еще не навьючивали / При помощи веревки, / Бобн-бобн боджула. / Еще не торчат / [Ее] два горба, / Бобн-бобн боджула. / Когда она падала, не стремилась [встать], / Бобн-бобн боджула. / Легкий коврик еще не свалился [с ее спины], / Бобн-бобн боджула. / Подколенные сухожилия еще не выпрямляла, / Бобн-бобн боджула. / Вода в роднике / Когда, думаешь, высохнет, / Бобн-бобн боджула? / Верблюжонок без сухожилий / Когда, думаешь, встанет [на ноги]? / Бобн-бобн боджула? [Төрсн һазрин дуд 1989, 51].

По свидетельству очевидцев, от такого пения верблюдица плакала, словно человек. «Тогда немного сцеживают молоко, обтирают им верблюжонка и подносят матери. Та после того, как тщательно обнюхает, облизывает и обычно принимает детеныша» [Ользеева 2003, 161]. К сожалению, в современное время все меньше остается исполнителей песен-приручений, которые издревле бытовали в фольклорной традиции калмыков.

В духовной культуре кочевников, в народных верованиях и обрядах, в фольклоре конь занимает важное место. Именно благодаря верховому коню устанавливались различные контакты между кочевым и оседлым населением. Прекраснейшие описания коня, воспевающегося в сказках, эпосе и в других жанрах фольклора, соответствовали эстетическим запросам слушателей – ценителей красоты коня. «Почитание кочевниками-скотоводами коня – спутника, друга, обусловлено спецификой культуры. Конь делает для кочевника далекое близким; в сказках он наделяется сверхъестественными возможностями, могуществом, достойным хозяина-богатыря; в отдельных обрядах калмыков выступает в качестве символа транспортного средства между мирами. Представление лошади как оберега от нечистой силы отразилось в калмыцком обычае помещать лошадиную голову как магическую защиту неподалеку от кибитки, поставленной отдельно в степи» [Калмыки 2010, 459].

В калмыцком героическом эпосе «Джангар», сказках, мифах, легендах, песенной традиции встречаются различные масти коней, например, скакун Джангар-хана – «зеерд» (рыжий), богатыря Хонгора – «көк һалзн» (серый с лысинкой), богатыря Санала – «буурл һалзн» (чалый с белой полосой), а также встречаются такие масти коней, как «кеер» (бурый), «хул» (саврасый), «хоһр» (соловый), «бор» (серый), «алг» (пегий), «һалзн» (с лысинкой, с белой полосой), «саарл» (буланый). В сказочной и песенной традиции калмыков герои ездят на конях таких мастей, как «күрңг» (бурый), «алтн шарһ» (золотисто-соловый), «аиһналг» (белобокий), «амнь һалзн» (с белой мордой), «саарл» (буланый), «харһалзн» (черный с лысиной), «чилмхар» (вороной), «сагсгсаарл» (буланый), «шарһ» (соловый), «цоохр» (пестрый), «бурхнзеерд» (рыжая), «кеер» (бурый), «хурдналг» (пегий), «кеер» (бурая), «бор» (сивый, серый) и многие другие.

К предметам и деталям конской сбруи относятся: седло, подушка седла, лука седла, тебенки, торока, стремяна, потники, подпруги, подхвостник, нагрудник, узда, удила, поводья, подшейная кисть, а также аркан, путы, переметные сумы. Седло является символом воинской полноценности мужчины, его достоинства. В эпосе седло описывается подробно со всеми принадлежностями и в соответствии с действительными особенностями его у кочевых народов. В песне Малодербетовского цикла «Джангара» дается детальное описание седлания коня богатыря Хонгора:

Дег мөңгн делтр тальвб, / Дегц мөңгн тохм тальвб, / Дөш мөңгн эмал тальвб, / Зурлдег зуран экинъ / Зууһин шар алтн худрһ / Гөвдэд унв. / Шор сэгхн сүүлинъ / Сеглэс бэдһэд, / Зуран хар мах дахулв; / Турмин алтн көвиг тальвхдан / Туң долан

миң цокад, / Ке хөрн тавн төдгтэ татурар / Ёлишгуһин Көкиг чииктл татв. /
Экни жирн зурһан олциг / Дарцг цаһан эрвң / Тасртл татв. / Лаң шар алтн ом-
рувчин / Далн хойр шар алтн товчинь / Далын хар бэргр махнд / Дээвлтл татад
товчлв; / Бумбин Улан Хоңһрин үүднд цевүлв [Джангар 1978, 58] // Серебром рас-
шитый подпотник положили, / Сверху расшитый серебром потник постелили, /
Как наковальня, широкое посеребрённое седло на нём укрепили, / На круп его
с буграми мышц / Из освящённого жёлтого золота подхвостник / [Брошенный]
упал, / Подобно кораллу красивый хвост его / Приподняв, / На крупе его затяну-
ли; / Турфанским золотом расшитую седельную подушку, / Точно семь тысяч раз
взбив, положили, / С двадцатью пятью красивыми застёжками заднюю подпру-
гу, / До ржания-крика Кёке доведя, затянули. / Должными шестьюдесятью шестью
подпругами / Складчатый брюшной жир / До разрыва затянули. / Из ланов жёл-
того золота нагрудник / Семьюдесятью двумя жёлто-золотистыми застёжками /
На плечелопаточных буграх / Так застегнули, что зашатался [скакун]. / К дверям
[дворца] бумбайского Улан Хонгора его подвели. – перевод Т.А. Михалевой.

В устном народном творчестве монголоязычных народов выделяется своеобразный жанр – *матал* (восхваление). Поющиеся стихотворные описания достоинств и красоты коня встречается в героическом эпосе «Джангар». По мнению Ю.М. Соколова, «Джангар» является «эпосом прославленных всадников <...> ни один эпос не уделил столько любовного внимания обрисовке коня, ухода за ним, его повадок, красоты, его качеств» [Соколов 1963, 24]. Б.Л. Рифтин выделил такую важную особенность в данном жанре, как «расчлененное, с явной гиперболизацией» описание коня [Рифтин 1982, 71].

В героическом эпосе «Джангар» после полной выстойки (т.е. определенного режима кормления) конь приобретает прекрасные признаки, «приводящие в восторг ценителей красоты коня» [Кичиков 1992, 253]:

Һомбин улан гесиг
Һол талан аваад,
Һольшгуһин зүркән
Тольтан йилһэд,
Дарцг цаһан эрвң[гән]
Давсг талан аваад,
Чикн цацу далң цорһ болад,
Нүдн цацу күкл эрвң болад,
Сән бийән сээр талан аваад,
Сээхн бийән чееж талан аваад,
Хурдн бийән
Дөрвн һаиш алтн турун талан аваад,
Туула сээхн зоота,
Тошл сээхн һуйта,
Ялмн сээхн хаата,
Еңсг сээхн толһата,

Өрм сээхн нүдтә,
Өргн сээхн чеежтә,
Өл йоңхр
Дөрвн һаиш алтн турута
[Джангар 1978, 59]

Упругий красивый живот
К хребту подобрал,
Нежное сердце,
Обросшее жиром, освободив [от него],
Брюшной белый жир,
К паху подтянув [помчался он].
На загривке жир, что вровень с ушами был, растаял,
На глаза налезавшая заплетённая чёлка растрепалась,
Стать рысистую к крупу подбирая,
Красу свою к груди подбирая,
Резвость свою
К четырём золоту подобным копытам подбирая,
Как у зайца, прекрасна спина у него,
Гладки красивые бёдра его,
Как у тушканчика, прекрасны передние ноги его,
Грациозна, красива голова его,
Как свёрла бурава, остры глаза его,
Широкая красивая грудь у него,
Крепки
Четыре прекрасных копыта его.
(Перевод Т.А. Михалевой)

Таким образом, в калмыцкой фольклорной традиции конь является и спутником, и помощником героя, с его помощью богатырь преодолевает большие расстояния, совершает подвиги, побеждает врага, восстанавливает мир и гармонию на родной земле.

Самобытная афористическая поэзия калмыков включает различные жанры: пословицы, поговорки, загадки. В пословицах нашли отражение достоинства, привычки, повадки животных. «Пословицы и поговорки разных народов отражают типичные черты и качества, традиционно закреплённые за определёнными животными. Особенностью пословиц и поговорок является антропоцентризм как проявление характерной традиции приписывания животным положительных и отрицательных черт человека» [Надбитова 2012 а, 161]. В представлениях калмыков овца занимает важное место, потому как данное животное является традиционным как в ритуальных действиях, так и в повседневной жизни кочевника. В устной народной поэзии сохранились следующие образцы:

Көгшн хөн үргмтхә. // Старая овца пуглива. Малын түрүнд бух, / Махна

түрүнд ууц. // Во главе стада бык, / Лучшая часть мяса – крестец [Пословицы, поговорки 2007, 56]. *Хөн сүүлин төлө, / Күн үрнәнн төлө.* // Овца ради курдюка, / Человек ради детей [Пословицы, поговорки 2007, 45]. *Һанцхн хөн чонын хотнь болдг.* // Одинокaя овца становится волку добычей [Пословицы, поговорки 2007, 150]. *Хойр иньг ни болхла, нег иргин арснд багтдг, / Хойр иньг ни уга болхла, долан иргин арснд багтдг уга* // Если двое дружны, то устроятся на шкуре одного барана, / Если не дружны, то не поместятся и на шкурах семи баранов [Пословицы, поговорки 2007, 101].

В калмыцком фольклоре бытуют пословицы о верблюдах. Они характеризуют повадки, нрав, характер, величину, силу, выносливость и многие другие положительные качества животного:

Нурһарн темән чиңгә,
Ухаһарн товчин чиңгә.
Ростом с верблюда,
Умом с пуговицу.
[Пословицы, поговорки 2007, 226]

Атн темәг
Арһмжин күчәр ачдг.
Верблюда-кастрата
Навьючивают силой аркана.
[Пословицы, поговорки 2007, 365]

Номһн темән
Ноолхд сән.
Спокойного верблюда
Хорошо теревить.
[Төрскн һазрин дуд 1989, 60]

Буульсн ингиг ботхнднь күргж хәһадг,
Бульгһсн зүркиг иньгтнь күргж тогтнулдг.
Успокаивают ревушую верблюдицу, отведя ее к верблюжонку,
Успокаивают трепещущее сердце, отведя к любимой.
[Пословицы, поговорки 2007, 394]

Сүүлин темәни ацан күнд,
Сүүдрин барань ик.
Груз последнего [в караване] верблюда бывает тяжелым,
Очертание тени бывает огромным.
[Пословицы, поговорки 2007, 417]

Күмн кирәрн,
Темән теңгәрн.

Человек по своим возможностям,
Верблюды по своему выюку.
[Пословицы, поговорки 2007, 433].

Афористическая поэзия калмыков связана с особенностями животных. Наблюдения кочевника-скотовода выражены в следующих пословицах:

Аля күн алядан дурта
Ора мөрн орадан дурта
Непутевый любит бездельничать,
Необузданный конь любит быть строптивым.
[Пословицы, поговорки 2007, 423]

Буульсн ингиг ботхнднь күргж хәһадг,
Бульгһсн зүркиг иньгтнь күргж тогтнулдг.
Ревущую верблюдицу успокаивают, подводя к верблюжонку,
Трепещущее сердце успокаивают, подводя к любимому.
[Пословицы, поговорки 2007, 363]

«Образ коня, его бег, быстрота и выносливость являются источником для поэтических метафор, сравнений и других изобразительных приемов в калмыцкой паремииологии» [Надбитова 2012 б, 285].

Теесн мөрн тер һазртан күрхлә сән,
Тиигнәв гисн залу тер үгдән күрхлә сән.
Хорошо, когда конь, который везет, достигнет места назначения,
Хорошо, когда мужчина, сказав, что сделает, держит слово.
[Пословицы, поговорки 2007, 23]

Гүүхд – гүн хурдн, гүжрхд – ажрһ хурдн.
Для бега – кобылица быстра, для выносливости – жеребец быстр.
[Пословицы, поговорки 2007, 23].

Пословицы и поговорки калмыков, отражая национальную специфику этноса, представляют кочевой мир калмыка, его скотоводческий опыт, жизненные наблюдения, глубокие мысли и мудрость, выраженные в кратких афоризмах.

Таким образом, обращение к анализу понятия «кочевье» в фольклоре показало, что оно является многокомпонентным образованием и связано с постоянным передвижением кочевников. Калмыки-скотоводы выработали определенный метод чередования пастбищ, который давал возможность восстановления травяному покрову и обеспечивал скоту круглогодичный корм. Скот в фольклоре тюрко-монгольских народов воспринимается как символ богатства и благосостояния. Калмыки, с древних времен занимавшиеся скотоводством, накопили богатый опыт обращения с четырьмя

видами скота, который нашел отражение в калмыцких народных сказках, героическом эпосе «Джангар», обрядовой и афористической поэзии. Кочевой мир калмыка, его многовековой опыт, жизненные наблюдения, глубокие мысли и мудрость, сохранившиеся в фольклоре в виде уникальных образцов, являются подтверждением того, что скотоводство как традиционный способ хозяйствования являлось главным занятием калмыка-скотова.

ИСТОЧНИКИ

1. Алтайские народные сказки / сост. Т.М. Садалова. Новосибирск, 2002.
2. Алтн чеежтэ келмрч Боктан Шаня. Хранитель мудрости народной Шаня Боктаев / сост., предисл., коммент. и прилож. Б.Б. Манджиевой. Элиста, 2010.
3. Бурятские волшебные сказки / сост. Е.В. Баранникова, С.С. Бардаханова, В.Ш. Гунгаров. Новосибирск, 1993.
4. Джангар. Калмыцкий героический эпос. Т. 1. / сост. А.Ш. Кичиков; ред. Г.И. Михайлов. М., 1978.
5. Калмыцкие богатырские сказки / вступит. ст. Б.Б. Манджиевой; сост. Б.Б. Манджиевой, Т.А. Михалевой, Ц.Б. Селеевой. М., 2017.
6. Калмыцкие народные сказки / под ред. И.К. Илишкина, У.У. Очинова. Элиста, 1961.
7. Научный архив КалмНЦ РАН. Ф. 5, оп. 2, ед. хр. 171. С. 13. Запись Эрдни-Горяева М.Э.-Г. в г. Элисте от Амбековой Б.П. в 1991 г.
8. Памятники фольклора монгольских народов. Т. 3. Сказки. М., 2017.
9. Пословицы, поговорки и загадки калмыков России и ойратов Китая / сост. и пер. Б.Х. Тодаевой; отв. ред. Г.Ц. Пюрбеев. Элиста, 2007.
10. Саглр ээжин туульс (Сказки бабушки Саглр) / сост. Т.Г. Борджанова. Элиста, 1989.
11. Төрскн хазрин дуд / сост. Б.Б. Оконов. Элиста, 1989.
12. Тувинские народные сказки / сост. З.Б. Самдан. Новосибирск, 1994.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бакаева Э.П. Двадцать копеек – это семьдесят денег // Этнографическое обозрение. 2009. № 2. С. 13–16.
2. Борджанова Т.Г. Обрядовая поэзия калмыков (система жанров, поэтика). Элиста, 2007.
3. Душан У.Д. Избранные труды / сост. В.В. Батыров, Т.И. Шараева. Элиста, 2016.
4. Калмыки / отв. ред. Э.П. Бакаева, Н.Л. Жуковская. М., 2010.
5. Кичиков А.Ш. Героический эпос «Джангар»: сравнительно-типологическое исследование памятника. М., 1992.
6. (a) Надбитова И.С. Калмыцкие пословицы и поговорки о домашних животных // Участие калмыков в укреплении российской государственности: Материалы региональной научно-практической конференции, посвященной 1150-летию

русской государственности и Году российской истории (г. Элиста, 29 ноября 2012 г.). Элиста, 2012. С. 161–165.

7. (b) Надбитова И.С. Образ коня в калмыцких пословицах и поговорках // Участие народов России в Отечественной войне 1812 г. Материалы Всероссийской научной конференции (г. Элиста, 11–14 сентября 2012 г.). Элиста, 2012. С. 283–287.

8. Ользеева С.З. Калмыцкие обычаи и традиции. Элиста, 2003.

9. Рифтин Б.Л. Из наблюдений над мастерством восточномонгольских сказителей (магтал коню и всаднику) // Фольклор. Поэтика и традиция. М., 1982. С. 70–92.

10. Соколов Ю.М. «Джангар» и эпос народов СССР // Сборник материалов, посвященных 500-летию калмыцкого народного эпоса. Элиста, 1963. С. 24–29.

11. Тухтенева С.П. Одна черточка – одна сотня: к вопросу о способах подсчета скота у тюрко-монгольских народов // Oriental Studies. 2017. № 5. С. 130–140.

12. Церенова Ж.Н. Концепт «кочевье» в калмыцкой, русской и американской лингвокультурах: дис. ... к. филол. н.: 10.02.20. Волгоград, 2005. URL: <http://31f.ru/dissertation/page,2,474-dissertaciya-koncept-kocheve-v-kalmyckoj-russkoj-i-amerikanskoj-lingvokulturax.html> (дата обращения: 15.01.2020).

REFERENCES

(Articles from Scientific Journals)

1. Bakayeva E.P. Dvadsat' kopeyek – eto sem' desyat deneg [Twenty Kopecks Are Seventy Tengas]. *Etnograficheskoye obozreniye*, 2009, no. 2, pp. 13–16. (In Russian).
2. Tyukhteneva S.P. Odnа chertochka – odna sotnya: k voprosu o sposobakh podscheta skota u tyurko-mongol'skikh narodov [One Hyphen – One Hundred: Revisiting the Issue of Livestock Count among the Turko-Mongolian Peoples]. *Oriental Studies*, 2017, no. 5, pp. 130–140. (In Russian).

(Articles from Proceedings and Collections of Research Papers)

3. (a) Nadbitova I.S. Kalmytskiye poslovitsy i pogovorki o domashnikh zhivotnykh [Kalmyk Proverbs and Sayings about Livestock]. *Uchastiye kalmykov v ukreplenii rossiyskoy gosudarstvennosti: Materialy regional'noy nauchno-prakticheskoy konferentsii, posvyashchennoy 1150-letiyu rossiyskoy gosudarstvennosti i Godu rossiyskoy istorii (g. Elista, 29 noyabrya 2012 g.)* [Impact of the Kalmyks into the Strengthening of Russian Statehood: Jubilee Conference Proceedings (Elista; November 29, 2012)]. Elista, 2012, pp. 161–165. (In Russian).
4. (b) Nadbitova I.S. Obraz konya v kalmytskikh poslovitsakh i pogovorkakh [The Image of Horse in Kalmyk Proverbs and Sayings]. *Uchastiye narodov Rossii v Otechestvennoy voyne 1812 g. Materialy Vserossiyskoy nauchnoy konferentsii (g. Elista, 11–14 sentyabrya 2012 g.)* [Participation of Russia's Peoples in the Patriotic War of 1812: Conference Proceedings (Elista; September 11–14, 2012)]. Elista, 2012, pp. 283–287. (In Russian).
5. Rifting B.L. Iz nablyudeniy nad masterstvom vostochnomongol'skikh skaziteley

(magtal konyu i vsadniku) [Excerpts from Observations over Artistic Skills of Eastern Mongolian Tale-tellers (Magtal to the Horse and Its Rider)]. *Fol'klor. Poetika i traditsiya* [Folklore: Poetics and Tradition]. Moscow, 1982, pp. 70–92. (In Russian).

6. Sokolov Yu.M. “Dzhangar” i epos narodov SSSR [“The Jangar” and Epic Traditions of Soviet Peoples]. *Sbornik materialov, posvyashchennykh 500-letiyu kalmytskogo narodnogo eposa* [Celebrating the 500th Anniversary of the Kalmyk National Epic: Collected Materials]. Elista, 1963, pp. 24–29. (In Russian).

(Monographs)

7. Bakayeva E.P., Zhukovskaya N.L. (eds). *Kalmyki* [The Kalmyks]. Moscow, 2010. (In Russian).

8. Bordzhanova T.G. *Obryadovaya poeziya kalmykov (sistema zhanrov, poetika)* [Ceremonial Poetry of the Kalmyks: Genre System, Poetics]. Elista, 2007. (In Russian).

9. Dushan U.D. (author), Batyrov V.V., Sharayeva T.I. (comp.) *Izbrannye trudy* [Selected Works]. Elista, 2016. (In Russian).

10. Kichikov A.Sh. *Geroicheskiy epos “Dzhangar”: sravnitel'no-tipologicheskoye issledovaniye pamyatnika* [Heroic Epic of “Jangar”: A Comparative and Typological Study]. Moscow, 1992. (In Russian).

11. Ol'zeyeva S.Z. *Kalmytskiye obychai i traditsii* [Kalmyk Customs and Traditions]. Elista, 2003. (In Russian).

(Electronic Resources)

12. Tserenova Zh.N. *Kontsept “kochev'ye” v kalmytskoy, russkoy i amerikanskoy lingvokul'turakh* [Concept of ‘Nomadism’ in Kalmyk, Russian and American Linguocultures]. PhD Thesis. Volgograd, 2005. Available at: <http://31f.ru/dissertation/page,2,474-dissertaciya-koncept-kocheve-v-kalmyckoj-russkoj-i-amerikanskoj-lingvokulturax.html> (accessed 15.01.2020). (In Russian).

Манджиева Байрта Барбаевна, Калмыцкий научный центр РАН.

Кандидат филологических наук, ведущий научный сотрудник отдела монгольской филологии. Научные интересы: фольклористика, эпосоведение, героический эпос «Джангар», эпос монголоязычных и тюркоязычных народов, богатырские сказки, калмыцкая песенная традиция, перевод.

E-mail: mbbairta@yandex.ru

ORCID 0000-0002-5644-3340

Bayrta B. Mandzhieva, Kalmyk Scientific Center of the RAS.

Candidate of Philology, Senior Research Associate, Department of Mongolian Philology. Research interests: folklore, epic studies, heroic epic of *Jangar*, epics of Mongolic and Turkic peoples, heroic tales, Kalmyk song tradition, translation.

E-mail: mbbairta@yandex.ru

ORCID 0000-0002-5644-3340

Русская литература Russian Literature

DOI: 10.24411/2072-9316-2020-00034

А.В. Каравашкин (Москва)

ПОЛЕМИЧЕСКИЕ ТЕКСТЫ ИВАНА ГРОЗНОГО: ОПЫТ ИССЛЕДОВАНИЯ ВАЖНЕЙШИХ БЕСТИАРНЫХ СИМВОЛОВ («ПЕС» И «АСПИД»)

Аннотация. В статье исследуются причины и цели обращения державного полемиста, царя Ивана Грозного, к традиционной средневековой символике, связанной с именами и свойствами различных животных, в том числе наделенных фантастическими приметами и повадками. В отличие от многих средневековых авторов, у которых бестиарий вписывается в стратегию описания тварного (созданного Богом) мира или нужен для реалистического воссоздания обстановки, царь обращается к зоосимволизму исключительно в публицистических целях. Ему важно сильнее задеть противника, ярче продемонстрировать негативные стороны его поведения и образа мыслей. Впервые так подробно рассматривается семантика двух ключевых для посланий Ивана IV символов – «пес» и «аспид». «Пес» («собака») – этот символ наделен не только отрицательной экспрессией, но и важной идейной составляющей. Ведь «собака»-изменник в сочинениях царя – один из излюбленных персонажей. Тем не менее нами отмечены весьма редкие для средневековой книжности случаи амбивалентности (осознаваемой современниками Грозного противоречивости) символа. Это, на наш взгляд, доказывает переписка Грозного с опричником Василием Грязным. Символ «аспид» используется в переписке с Андреем Курбским не только для создания образа измены как таковой, но и для разоблачения самой логики предателя, для деконструкции его идейной платформы. Библийский «аспид» наделен в полемических текстах царя Ивана существенной метафизической составляющей.

Ключевые слова: символы; бестиарий; семантика; публицистика; полемика; амбивалентность; библеизмы; сфрагистика.

А.В. Karavashkin (Moscow)

The Polemic Texts of Ivan the Terrible: A Study of the Most Important Bestiary Symbols (“Dog” and “Asp”)

Abstract. The article investigates the causes and goals of the address of the sovereign polemicist, Tsar Ivan the Terrible, to traditional medieval symbols associated with the names and properties of various animals, including those endowed with fantastic signs and habits. Unlike many medieval authors, for whom the bestiary fits into the